

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ

Едва ли не каждый сезон в Горьковском академическом драматическом театре имени А. М. Горького отмечен премьерой пьесы великого пролетарского писателя. В афише театра они были все без исключения. Многие ставились по нескольку раз.

Так складывались прочные традиции работы над горьковской драматургией, они передавались новым поколениям мастеров сцены.

Как правило, каждая новая постановка становилась примером и нового сценического решения. Часто спектакли одного названия оказывались непохожими, в иных случаях прямым контрастом выглядели актерские прочтения одних и тех же ролей.

...Хорошо помню Луку в спектаклях 30-х и 60-х годов. В первом его играл яркий комедийный актер М. Высоцкий, и был его Лука эгоистично-самодовольным, кругленьким, сытым и плутоватым. Как нельзя более соответствовал он авторской характеристике: жуликоватый «утешитель-профессионал, ремесленник».

Лука же Н. Ловковова был сердечный, искренний, участливый, он всеми силами ума и сердца старался помочь людям, облегчить их участь и был твердо уверен, что своим советом в состоянии это сделать.

Пожалуй, не более чем однофамильцами были и Суловы из «Дачников» в исполнении В. Дворжецкого и В. Самойлова.

Примеры можно продолжить, но не помню спектакля, где режиссерская или актерская интерпретация шла бы вразрез с сутью пьесы или мельчила ее масштаб. Из нее вытекающая, на ней основываясь, «разночтения» эти лишь выявляли неисчер-

ОТЧЕГО БЛЕКНУТ КРАСКИ

паемость, многогранность социального, нравственного, психологического содержания горьковских пьес, стремление театра взглянуть в них «нынешними очами», выдвинуть на первый план то, что более всего этому взгляду соответствовало. При этом никогда не нарушалась та особая горьковская манера письма, которую П. Марков определял, как манеру «сочного реализма, пылающего разнообразием красок».

Потому и оставили заметный след в истории советского театра собольничковские «Мещане», «Варвары» Н. Покровского, «Фальшивая монета» М. Гершга, наконец, «На дне» Б. Воронова — спектакль, удостоенный Государственной премии РСФСР.

А потом началось нечто озорничательное, озадачивающее... В афише М. Горький продолжал оставаться, но нередко представлен был спектаклями, лишенными сильных общественных страстей и крупных, значительных характеров.

Таким оказался спектакль «Дети солнца», поставленный А. Тумиловичем. Положенная в основу пьесы проблема «интеллигенция и народ», волновавшая писателя на протяжении всей его жизни и решавшаяся им в разных произведениях далеко не однозначно, обозначалась в этом спектакле весьма однобоко.

Взяв одну из трудных горьковских пьес, герои которой сложны и противоречивы, режиссер решил сразу же поставить все точки над «и», делая спектакль откровенно и вызывающе «антипротасовским».

Исполнителю роли Протасова — С. Ожигину ставится задача разоблачать своего героя последовательно в любом эпизоде и не стеснялся в средствах. Так, например, услышав, что в доме холера, Протасов страшно пугается и, сгорая, сказав Елене (Л. Швырлева), что пойдет вместе с ней к жене Егора, тотчас спохватывается и дает отбой. Трус, эгоист и красноречив обнаруживаются в нем сразу же. Дальше разоблачения следуют одно за другим.

После неожиданного объяснения влюбленной в него Меланьи (Г. Высоцкая) Протасов начинает панически суесться, озабоченный лишь одним: как бы не узнали чего домашние. Улыбаясь шагу спускающихся с антресолей Лизы (С. Семенова) и Чепурного (А. Белокринкин), он поспешно раскрывает учебник, чтобы создать впечатление, будто занимался с Меланьей... хм... Но книжку-то впопыхах схватил вверх ногами. Лиза это сразу же заметила, вынула книжку из рук брата, понимающе усмехнулась, перевернула как надо и вновь вложила ему в руки. Вот такая возникла сцена.

Может ли Лиза, боготворящая брата (кстати, по пьесе все относится к нему уважительно), вести себя по отношению к нему столь фривольно? Какой смысл режиссер находит в этом мелком, ничтожном тартюфстве, к чему оно, если через несколько минут честнейший и чистейший, глубоко порядочный Протасов расскажет жене об этом нелепом объяснении и спросит у нее, как быть дальше, что делать?

Начав мельчить, искажать сценические отношения, режиссер продолжает это и в последующих эпизодах. Так, он заставляет Протасова перед разговором с Еленой бдительно оглядеться вокруг, заглянуть за дверь, не приткнулся ли к замочной скважине только что выпешенный из комнаты давний, еще университетской поры, друг его Вагин (В. Вихров), и лишь убедившись, что никто не подслушивает и не шпионит, приступает к беседе. Хитрый, недоверчивый, мелкий... И это Протасов, «большой ребенок», как говорят о нем в пьесе, которого никак не назовешь обывателем.

Став на путь упрощения и попытавшись втиснуть образы в прокрустово ложе заданной схемы, театр не только разошелся с автором в понимании проблем и масштабе характеров, но оказался в оценке интеллигенции на позиции, весьма тревожившей самого Горького и им осуждавшейся.

Известно, что увлечение простыми задачами в ущерб сложным чревато немалыми

потерями. И в премьере «Врагов», показанной не так давно, подмена незатейливой схемой предпринятого Горьким глубокого исследования человеческих характеров и отношений оказывается еще более заметной. На спектакле, поставленном А. Головинным, ощутим отпечаток именно схематизма, упрощенного понимания характеров персонажей. Стойкость рабочих оборачивается плагатной бравадой, их революционный героизм предстает декларативным, поверхностным по решению. С другой стороны, хозяева выглядят полными ничтожествами, картонными фигурами, не представляющими никакого психологического интереса. Персонажи, собственно, не контактные, как бы глухи друг к другу, каждый из них говорит, упиваясь собственным красноречием и мало заботясь о том, что его слушает и какое впечатление производят его слова на собеседника.

Вот как решается, например, одна из драматичнейших сцен. Не позволив Синцову (В. Снегирев) спрятать нелегальную литературу, казаясь собственным малодушным, Татьяна (С. Семенова) испытывает настоятельную потребность перед кем-нибудь выговориться, поделиться, как ей худо, как скверно... Кому же может она довериться? Конечно, только Якову. Чуткий, душевный, добрый, он один сможет ее понять. Кстати говоря, именно таким играет его Н. Волошин, благодаря чему его герой выпадает из общего ансамбля однозначных, схематичных образов. Но режиссерская заданность не позволяет этому разговору состояться. Актриса исповедуется не перед Яковым, а перед публикой. Слова: «Мне тяжело, мне тяжело перед людьми...» произносятся в сторону от партнера, в зал, и тонкая интимно-психологическая сцена сразу же теряет теплоту, трепетность, драматизм.

М. Горький не раз повторял, «что нет людей чисто белых и совершенно черных, люди все пестрые, запутанные, очень сложные». Да, социальные корни порой объединяют самых разных

людей, но надо же уметь различать индивидуальность каждого характера, как умел это делать писатель.

Тенденция все упростить и непременно подвести к одному общему знаменателю распространилась в этом спектакле и на оформление (художник А. Великанов), отмеченное какой-то прямой, грубоватой, быстрой в глаза символикой. Мрачные, траурные сукна горизонта, как столбы черного, смрадного, извергаемого фабрикой дыма. Желтые листья осени, претенциозно подчеркивают мысль об увядании мира хозяев. В последнем акте появляется зачем-то портретная галерея тупых бардинских предков, отмеченных печатью вырождения. И среди них — увитая траурным крепом и украшенная хризантемами (I) метровая фотография Михаила Скроботова... Как, зачем оказалась она в доме Бардиных, не очень-то ладивших с покойным, на другой же день после убийства?

В претендующем на историзм спектакле академического театра «мелочи» эти озорничательны и, что особенно досадно, какутся связанными с общим отношением к классике и ее воплощению. Именно такую мысль рождает финал спектакля, который задуман у Горького как почти физическое столкновение «врагов» — рабочих и предпринимателей. Вместо этого пустая сцена, где-то за кулисами раздастся слабый, едва слышимый звук револьверного выстрела — кончается самоубийством Яков Бардин...

Такие спектакли по пьесам М. Горького появились в театре, где десятилетиями культивировалось особо бережное отношение к драматургии писателя, где разные актерские поколения впитывали способность понимать, чувствовать и воплощать крупно, масштабно, ярко горьковские характеры. Она жива еще, эта способность, она проявляется в отдельных сценах спектаклей, и не хочется, нельзя, чтобы она уходила, чтобы тускнел «сочный реализм, пылающий разнообразием красок».

ГОРЬКИЙ.

С. ФИХ.